

ТОРЖЕСТВО ИСТИНЫ

(«Тройка, семерка, туз» и «Суд» В. Тендрякова)

Владимир Тендряков сделался одним из самых популярных писателей нашей страны в пятидесятые годы. И это совершенно понятно, ибо его литературное рождение неотделимо от того огромного сдвига, который произошел в ней в эту пору.

В первой крупной вещи Тендрякова — повести «Среди лесов» (1953) — еще только угадывалось будущее развитие этого своеобразного таланта. И вот — «внезапный», а на самом деле подготовленный и обусловленный новой возникшей в стране атмосферой взлет — одно за другим появляются новые произведения Тендрякова, каждое из которых привлекает напряженное читательское внимание: очерк «Ненастье» и повесть «Не ко двору» (1954), рассказ «Ухабы» и повесть «Тугой узел» (1956).

Недавний выпускник Литературного института имени Горького, скромный очеркист журнала «Огонек», он стал вровень с опытнейшими писателями страны, принеся в литературу не только немалый талант, к тому же удивительно целенаправленный, но и глубокое, до деталей знание жизни современной деревни.

Многие произведения Тендрякова начинаются пейзажами, вроде бы неторопливыми описаниями. Но уже через несколько страниц, а то и спустя один-два абзаца вы вдруг почувствуете себя увлекаемым стремительным течением событий, когда все, вплоть до случайных, казалось бы, подробностей несетя в определенном направлении.

Читая про драматический разлад в молодой семье тракториста Федора Соловейкова, про то, как уютный, на первый взгляд, дом родителей его невесты оказался звериным логовом жалких в своем духовном убожестве скопидомов, мы не раз вспомним открывающую повесть «Не ко двору» картину спящего в свадебную ночь села: «...снег под луной усеяли крупные искры, зеленые, как голодный блеск волчьих глаз».

Эта деталь сразу же вызывает в читателе смутную

тревогу, как будто он невзначай услышал звук музыкального инструмента, настраиваемого для исполнения горькой и печальной пьесы. А потом поистине волчьи огоньки зажигаются в глазах Стешиных родителей, когда Федор как-нибудь затрагивает обомшелые устои угрюмого их быта.

И как ни молода красавица Стеша, но прочно опутал ее этот семейный порядок. Он почти неотделим от нее, точно так же как от Стешиных нарядов идет душноватый запах сундука, где они хранятся.

Острый, общественно-значимый конфликт вспыхивает во всех произведениях Тендрякова, хотя бы поначалу лишь чуткое ухо могло расслышать что-то настораживающее в повествовании.

«В моторе машины,— говорится в «Тугом узле»,— можно иногда услышать глуховатый стук. Неопытному человеку этот стук ничего не говорит. У механика он вызовет тревогу... Глуховатый стук — сигнал надвигающейся беды».

И в самой этой повести даже в момент, когда вроде бы отступают обычные земные дела — когда хоронят человека, возникает тревожная мысль о неблагоприятном наследстве, которое оставил он району, чьим руководителем был долгие годы.

Сын покойного секретаря райкома партии, Саша Комелев еще полон не остывшего горя по отцу. Он помнит его любящим землю, близко принимающим к сердцу неудачи и беды, выпадающие на долю хлеборобов, и мечтающим «на такой вот красивой земле... сделать красивую жизнь».

«Споткнусь, не удастся мне — ты ее сделаешь», — сказал он сыну однажды.

И вот Саше, решившему начать свою трудовую жизнь в одном из районных колхозов, на первых же порах из невольного услышанного разговора приходится узнать, что отец его, при всех своих добрых намерениях, не только не представлял собой идеала, каким он казался сыну, но и во многом служил помехой для развития района.

Вначале Саша еще воспринимает все критические высказывания об отце как кровную обиду и несправедливые нападки. Но в дальнейшем, ближе сойдясь с председателем колхоза Игнатом Гмызиным, он понимает, что

тот говорил о недостатках Степана Комслева исключительно в интересах того самого дела, которому искренне хотел служить и сам покойный.

Оказывается, чтобы выполнить завет отца, Саше надо трезво осознать его ошибки и отрешиться от слепой веры в его правоту...

Проходит время, и мы начнем различать «сигнал беды» и в некоторых мыслях, словах и поступках нового руководителя района — Павла Мансурова. Казалось бы, неплохо, что он так рвался к большой и трудной работе, жалуясь, что без нее «застыл, как гриб, прихваченный заморозками», что угадал народную потребность в пересмотре целого ряда «комелевских» методов руководства и хозяйствования. Однако когда, облеченный общим доверием, Мансуров сам стал секретарем райкома, то быстро обнаружилось, по меткому замечанию Игната Гмызина, что «для него партийная работа — лишь лесенка, по которой удобно подняться над всеми...».

Карьеристские повадки Мансурова дорого обходятся району, государству, народу. Однако подлинные коммунисты, вроде Гмызина, разгадывают этого человека. «...Ежели замечу пень на колхозной дороге, ни сил, ни жизни не пожалею — выворочу», — с гневом говорит Гмызин по его адресу.

Эта страстная позиция всецело разделяется писателем. Впоследствии Тендряков еще более расширил проблематику своих произведений. За первым в творчестве писателя романом «За бегущим днем», посвященным поискам своего места в жизни обыкновенным, лишенным сколько-нибудь ярких дарований человеком, последовали повести, рассказывающие то о неиссякаемой силе религиозных предрассудков («Чудотворная»), то о трудно отступающей из жизни алчности, которая, при благоприятном для нее стечении обстоятельств, дотла сжигает людские души («Тройка, семерка, туз»).

Случайно нашедший кем-то запрятанную «чудотворную» икону, двенадцатилетний Родька Гуляев едва не становится ее жертвой, как будто он наткнулся на заряжавелую, но все еще опасную мину или гранату. Изба Гуляевых становится местом паломничества тупых святош, богомольных кликуш, истеричных калек. Их елейные голоса нарекают Родьку праведником, кто-то уже тянется

губами к его руке, просит вымолить милости у господ, кто-то страшает рассказами о всякой нечисти.

Ранена ребячья душа. Пропало радостное и безбоязненное восприятие мира. Следят за мальчишкой из угла хмурые глаза святых с икон, петлей обвивает шею тесемка от насильно надетого бабкой крестика, страх перед жизнью закрался в сердце...

Так и в повести «Тройка, семерка, туз» рабочие отделенного лесосплава, вытащив захлебнувшегося в быстрой, порожистой реке незнакомца, не подозревают, что этот случай послужит началом весьма драматических событий.

В их размеренную и довольно монотонную жизнь вместе с «утопленником» Бушуевым вошло что-то беспокойное, принимающее все более опасные очертания. Щуплый и безобидный на вид человек вдруг оказался центром всеобщего внимания в этом небольшом кругу, неосознанно томящемся в своем однообразном быту.

«Никто потом не мог сказать, — пишет автор, — откуда появилась колода карт у Бушуева. После того как его вытащили из порога, в карманах пиджака ничего не было, кроме раскисших документов и пятнадцати рублей мелкими бумажками».

Деталь многозначительная: карты, действительно, как бы «мистически» появляются всюду, где на время приютился Бушуев, а за ними — страшная, постепенно затягивающая людей азартная игра.

Не думайте, однако, что Бушуев — просто невесть откуда взявшийся демон, «совративший» своих наивных спасителей. Ближе присмотревшись к ним, убеждаешься, что, по логике характеров, не Бушуев, так что-нибудь другое обязательно должно было взорвать идиллическое спокойствие в укромном лесу. «Глуховатый стук — сигнал приближающейся беды» уже звучал в этом «мирном» уголке.

Там, где есть такие, как сплавщик Егор Петухов, жадно рвущийся к деньгам, неминуемо возникнет Бушуев, хотя бы это казалось столь же невероятным, как загадочное появление карточной колоды. Бушуев как бы реализует опасные возможности, которые до поры до времени тлеют в душе Петухова. Точно так же «чудотворная» икона лишь вызвала паружу таившийся в тени религиозный фанатизм.

В свою очередь и трагическое происшествие на охоте, с описания которой начинается повесть «Суд» (1961), проявляет уже существующие в жизни конфликты и противоречия.

На исходе ночи, после долгой погони за зверем, грянуло два выстрела. А третий охотник, Семен Тетерин, только и успел крикнуть «Не стреляйте!» — как совершилось непоправимое: вместе с медведем подвернулся под пулю парень, возвращавшийся безлюдным лесом с гулянки.

Несчастный случай, тягостная история.

Врач не обнаружил в медведе пули. Только на следующий день, безрадостно разделявая в одиночку дорого обошедшуюся добычу, нашел ее Тетерин и поразился: все думали, что промахнулся по зверю новичок на охоте — фельдшер Митягин, а не более опытный Дудырев, — выходит, наоборот.

Хмуρο выслушивает старого медвежатника Дудырев и, уклонившись от ответа, советует идти к следователю: страшно человеку признать, что стал он — хотя бы невольно — убийцей.

И вот тут-то в повести В. Тендрякова разыгрывается драма, едва ли меньшая, чем на охоте.

Простодушная вера Тетерина в справедливость наталкивается на подозрительность и недоверчивость следователя Дитятичева. Его вполне устраивает, что косвенные улики позволяют нарисовать такую картину происшествия, при которой если и есть виновный, так Митягин.

Митягин — «несерьезный человек», любитель выпить и похвастаться, словом — невелика птица.

А Дудырев — другое дело: начальник стройки, становящейся целой эпохой в жизни дотоле глухого района, «всемогущая личность».

Следователь старается внушить Тетерину, что находка пули ничего не доказывает, что ее подлинность может быть поставлена под сомнение и тогда медвежатнику придется пенять на себя.

И председатель колхоза Донат Боровиков, с которым советуется Тетерин, тоже жметя: Дудырев — хороший, нужный работник, случись с ним что — почем знать, не захиреет ли строительство?

«Любой бабе, любому царню, на кого ни укажи пальцем — всем выгодно, чтоб строительство шло как по

маслу, не срывалось бы, не разваливалось, чтобы Дудырев сидел на своем месте,— рассуждает Донат.— Эта ваша глупая оказия, на проверку, не только Дудыреву колленки подобьет — нам всем по ногам ударит».

На одной чашке весов — «абстрактная» истина, на другой — общественная выгода,— так ставит вопрос Боровиков.

Но верно ли это?

Не слишком ли узко понимаем мы часто «общественную выгоду»? (Этот же вопрос тревожит В. Тендрякова и в другой, сравнительно менее удачной повести «Короткое замыкание».)

Выгодно ли обществу заронить в человеческие души убеждение, будто занимаемый пост, выдающиеся заслуги или редкие способности могут избавить от ответственности перед согражданами и только с рядового, ничем не примечательного человека положено взыскивать полной мерой за все его вольные и невольные прегрешения?

Разве не вступает это в противоречие с идеалами нашего общества?

Когда горит дом — ущерб очевиден.

Когда тлеет подземный пласт угля или торфа — этого можно долго не замечать, хотя ущерб может быть неисчислимым.

Но кто сочтет убытки, когда неслышно и незаметно для окружающих, скрытый за «каменным выражением лица» бывалого охотника, бушует страшный пожар души, сгорает вера в людей, в справедливость!

И остается погорелец с нищим скарбом — хмурыми прописями старого мира: плетью обуха не перешибешь, с сильным не судись, малой шавке не след на больших волков лаять, живи себе в сторонке...

Забросил Семен Тетерин злополучную находку, отказался от нее на допросе, скрыл правду.

Он не знает, что у него появился союзник — Дудырев. «Дудырев против Дудырева».

Против Дудырева — потому что живет же в нем по-человечески понятное нежелание счесть себя виновником страшного несчастья, готовность радостно, облегченно уверовать, что не его это пуля — митягинская угодила в человека, боль и обида, что вдруг придется расстаться со стройкой, в которую вложено столько сил.

Против Дудырева — потому что, заставляя следовате-

ля посчитаться с тетеринской находкой, он борется с тем своим двойником, которого уже успел создать в своих мыслях медвежатник,— с человеком, равнодушным ко всему, кроме своей выгоды, с человеком, для которого, как думают следователь с прокурором, по разным причинам не подходят мерки, пригодные «для митягиных».

«Мне легче будет, если я отвечу за свою вину, чем спрячусь за чью-то спину»,— упрямо втолковывает Дудырев Дитятичеву и прокурору Тестову, которые видят в его настойчивости всего лишь дешевую позу «человека, уверенного в своей полной безопасности».

Когда Дудырев выступает в том же духе и на суде и дело кончается оправданием Митягина, «люди не спешили расходиться... радостно переговаривались между собой. Каждый чувствовал, что совершилось что-то доброе и красивое».

Это, действительно, маленький праздник в честь совершившейся справедливости, в честь равноправия. Праздник, стоящий иных пышных торжеств.

Но вот прошли мимо взволнованных людей прокурор со следователем: «они сделали свое, теперь тоже довольны, что окончилось хорошо».

Сделали свое? Но ведь мы помним, как вел себя Дитятичев в первом разговоре с Тетериным и как презрительно разглядывал потом запутанного им самим человека, когда тот отказался от первоначальных показаний.

Помним, что говорили Тестов с Дитятичевым об «упрямстве» Дудырева:

«— Черт его знает, донкихот какой-то...

— Скорей Нехлюдов... Иной раз прорывается в душе русского человека эдакая совестливость, которая в Сибирь гонит вслед за ссыльной проституткой».

Знаменательно то пренебрежение, с каким они проносят слова «донкихот» и «совестливость». Они могли бы сказать в свое оправдание, что даже в словарях Дон Кихота определяют как смешного фантазера. Но с каких пор истинная любовь к людям, пусть даже смешно выраженная, стала достойна лишь безоговорочного осуждения?

«Дон-Кихот,— писал Тургенев,— проникнут весь преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться

всевозможным лишениям, жертвовать жизнью; самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины, справедливости на земле.

Донкихотство можно критиковать с разных точек зрения.

Борец за водворение справедливости, идущий другой, верной дорогой, с печальной улыбкой видит бесплодность усилий рыцаря печального образа.

А обыватель с тупым удивлением и насмешкой взирает из своей норки на человека, который бескорыстно ввязывается в трудную борьбу. Это — насмешка ужа над умирающим соколом.

И сгорающий со стыда Тетерин в тысячу раз привлекательнее, чем «с достоинством, не без подчеркнутой торжественности» вышагивающие после суда Дитятичев с Тестовым. Видимо, случившееся не заставило их задуматься, не вселило в них никаких сомнений в своей правоте.

И с таким же чувством невольной брезгливости наблюдаем мы, как Донат Боровиков говорит растерянному и счастливому Митягину:

«— Ждал, поди, что люди готовы съесть тебя. Ан нет, и понять всегда готовы и руку протянуть при нужде... Мало доверяем друг другу. Великое дело — доверие. Так-то».

Это говорит тот самый Донат, что советовал Тетерину «не шуметь» о найденной пуле! И тогда он внимал взволнованной речи медвежатника «благодарный, разморенный пропущенным стаканчиком», и теперь стоит перед Митягиным «крепкий, приземистый — не столкнешь с места».

А ведь он тоже «свое сделал» — влил свою каплю яда в мятущуюся душу Тетерина. И, по чести говоря, не ему бы глядеть в глаза Митягину и тем более «покровительственно» поучать его.

Нет, пусть невесело на душе у Тетерина, уклонившегося — по чужому наущению — от борьбы за правду, но сама сила и искренность его переживаний ставит его выше бестрепетно спокойных дитятичевых, тестовых, боровиковых.

Что же касается Дудырева, то ему автор на последних страницах как бы доверил подвести итоги. Что ж, в

том, что он думает после суда, много отвлеченно верного. Жаль только, что это размышляет уже не Дудырев, которому мы так сочувствовали в его злом споре с Дитятичевым и Тестовым, а некий внезапно воспаривший над событиями судия.

И не эти отточенные формулы запоминаются по прочтении повести!

Тот же Дудырев, еще не знавший, как сложится дело на суде, взволнованный, возмущенный казуистикой Дитятичева, приходит к заключению, что «истина и счастье людей неотделимы друг от друга».

Во имя этой мысли и написана повесть В. Тендрякова.

Во имя таких побед над злом во всех его обличиях и работает он в литературе.